

Центр и Северный Кавказ: проблемы интеграции и развития

Деньга Халидов,
кандидат философских наук

Социополитические, этнонациональные и социально-экономические аспекты

Последние события, связанные с Кондопогской трагедией и серией межэтнических конфликтов в российских городах, вновь ставят проблему интеграции народов региона в общероссийскую жизнь. Беспристрастный анализ показывает, что политика Федерального центра (ФЦ) в регионе противоречива и непоследовательна. Как показывает анализ ситуации, наряду со специфическими мерами по нейтрализации экстремизма и сепаратизма, для решения проблем необходим системный подход, в рамках которого *“социо-”* и *этнополитические, культурно-информационные и социально-экономические меры* должны дополнять друг друга.

Любая политическая или социально-экономическая проблема в регионе неизбежно приобретает этническую окраску, а взаимное наложение социальных, этнических, территориальных проблем и их высокая концентрация *“сообщает”* процессам в регионе высокую *взрывоопасность*. Именно это требует внимания и не тривиального подхода ФЦ.

Иерархия задач ФЦ определяется в виде формулы:

от обеспечения стабильности и безопасности ®
к созданию необходимых условий для социально-экономического (“мало-”
или бездотационного) развития региона;
от создания условий ®
к полноценной интеграции в общероссийскую жизнь.

В отдельную группу выделяется проблема бесконфликтного сосуществования этнических *“общин”* северокавказцев в *“русских”* субъектах Федерации, с одной стороны, и справедливого представительства русских *“общин”* в органах власти республик региона, с другой.

Концептуальный подход и проекты ФЦ в региональной политике классифицируются по следующим основным направлениям:

- Меры по нейтрализации супермеркантилистской природы системы власти в регионе и жесткий контроль за исполнением законов о бюджете;
- Кадровая политика на федеральном и региональном уровнях как возможность обеспечения межнационального согласия и консолидации российского общества;

– Социально-экономические меры, в том числе “переселенческая политика”, нейтрализация безработицы, снятия демографической напряженности;

– Мониторинг этнополитической ситуации в регионе и в “русских” субъектах Федерации, профилактика потенциально возможных межнациональных конфликтов; нейтрализация практики этнической дискриминации в регионах РФ.

Этнополитика и стабильность: региональный контекст

В республиках Северного Кавказа значимы социально-демографические проблемы и проблемы, связанные с коррупцией и теневизацией экономики, с масштабной коммерциализацией политических систем.

В последние годы даёт о себе знать также проблема, связанная с особыми отношениями Кремля и Грозного, с предпочтениями для местного режима власти.

В Дагестане и Ингушетии серьезные опасения вызывают неадекватные и далеко не безобидные заявления Кадырова-мл. о “целесообразности объединения “родственных” народов в рамках единого субъекта”, разумеется, с центром в Грозном.

Дают о себе знать, также, множество законсервированных этноконфликтных узлов в регионе.

Справка

В регионе проживают более 6 млн. чел. из 20 крупных по численности народов-этносов и более 10 малочисленных этносов в Дагестане. Доля “чисто” русскоязычного населения составляет около 17% (чуть более 1,0 млн. чел.).*

За период 1989–2002 гг. доля русского населения уменьшилась в основном в Чечне и Ингушетии, в меньшей степени – Дагестане, где проживает более 6% (около 120 тыс.) русского населения.

*Причины миграции русского населения (без учета событий в Чечне): неуверенность в будущем, правовая незащищенность, криминализация жизни, безработица, остановка предприятий. (Мнение около 50% опрошенных русских мигрантов в Дагестане). Около 30% мигрантов из коренных народов Дагестана указали те же самые причины выезда в другие регионы России: его готовы покинуть 30% русских и более 20% дагестанцев**.*

В республиках региона плотность населения около 70 чел. на 1 кв. км, что в 2,5–3,0 раза выше чем в ЮФО; наиболее высокий уровень прироста населения в Дагестане, Чечне и Ингушетии: в среднем 18 чел. на 1000 чел. в год; самая высокая в РФ безработица, которая РД, РИ и ЧР составляет, соответственно, около 27%, 40% и 54% трудоспособного населения.

Очень высокая доля вынужденных переселенцев в Ингушетии, Северной Осетии-Алании, в меньшей степени в Дагестане, что создает дополнительную демографическую нагрузку в республиках.

* По мнению экспертов, эта цифра завышена как минимум на 750,0–800,0 тыс. чел. за счет, в основном, фальсификаций и двойного счета в Дагестане, Чечне и Кабардино-Балкарии. В меньшей степени – в Ингушетии. (WWW.VOINENET.RU Демографические процессы в республиках Северного Кавказа в межпереписной период 1989–2002 гг.).

** Соцопрос проводился Госкомстатом Дагестана в рамках проекта “Мониторинг перемен: оценки, мнения и суждения дагестанцев”. В большей степени настроены на отъезд горожане, лица в возрасте до 30 лет, служащие и специалисты с высшим образованием.

Это, прежде всего, между осетинами и ингушами; в не столь актуализированной форме между черкесами и абадзинами, с одной стороны, и карачаевцами, с другой, в КЧР; между чеченцами и ингушами в Сунженском районе Ингушетии; кабардинцами и балкарами; отдельные коллизии между народами Дагестана. Нередки вспышки конфликтов между казаками и мигрантами из стран СНГ, а иногда и представителями северокавказских народов.

Очень высокая конкуренция за ресурсы (земельные, прежде всего, и властные) сообщает этим противоречиям выраженную этническую окраску.

Не решен еще вопрос о статусе русскоязычного населения и его представительстве в органах власти в ряде республик региона, а также возможности его возвращения в республики, где они ранее проживали. Эту проблему на законодательном уровне и системно пытаются решать в Дагестане, а в последние годы и в Ингушетии. Но не обходится и без проблем.

Периодически обостряется проблема “разделенных” народов.

Например, для Дагестана (более 350,0 тыс. лезгиноязычного и 100,0 тыс.

аварского населения, проживающих в Азербайджане) и Южно-Осетинской Республики (более 60 тыс. осетин), которые идентифицируют себя чаще всего с россиянами и не желают интегрироваться в “молодые” закавказские государства, национальная политика которых не оставляет им шансов на достойную жизнь и они очень надеются на Россию.

Можно предложить следующие основные направления, в которых ФЦ может сыграть свою роль в решении проблем в регионе, в частности, разработка:

- мер по нейтрализации системного характера коррупции и теневой экономики в республиках;
- правовой основы решения спорных территориальных вопросов, определение процедур разрешения конфликтов этнополитического характера;
- нормативных решений по кадровой политике и национальному представительству, в том числе и в федеральных органах власти;
- мер по решению проблемы вынужденных переселенцев (“беженцев”) и рациональному распределению трудовых ресурсов, управлению миграционными процессами.

Советский опыт интеграции и последствия реформ в регионе

Чтобы лучше понять существо современных проблем, важно вспомнить то, что из прежнего опыта либералами во власти было сдано в архив.

В советский период многие недостатки существовавшей системы сглаживались громадными успехами в социальном и экономическом развитии, эффективной культурно-образовательной и политической интеграцией народов региона в общесоюзную жизнь, что, в конечном счете, является смыслообразующими, позитивными целями и ценностями жизни.

Были созданы на голом месте новые производства. Сформирована промышленная и научно-техническая интеллигенция.

В четырех республиках (Дагестанской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Северо-Осетинской АССР, Кабардино-Балкарской АССР) к концу 80-х годов функционировало более 50 машиностроительных и приборостроительных заводов(?!), не говоря уже о предприятиях пищевой и легкой промышленности.

Социально-профессиональный и образовательный уровень населения по-

зволюл сравнительно успешно решать задачи промышленного развития и социально-экономического прогресса.

К 1985 г., до начала объявления кампании борьбы с пьянством, Дагестан обеспечивал около 30% потребительского рынка сухих и крепленых вин РСФСР.

В целом республики в регионе достаточно успешно справлялись с социально-экономическими задачами, а коррупция не превышала порога, после которого эрозия государственных институтов приобретает необратимый характер.

В консолидированных бюджетах Дагестана и Чечено-Ингушетии около 50–60% средств составляли налоговые и неналоговые сборы из собственных источников, что совсем неплохо для трудоизбыточных и слабо урбанизированных регионов.

Люди чувствовали, в особенности в 30–60-е годы XX в., заботу Центра, и легитимная база советской системы власти была достаточно крепкой. Социальные идеи, скреплявшие государственное “тело” Союза, были очень притягательными для масс.

Не случайно выходцы из Северо-Кавказских республик отличились на фронтах Великой Отечественной войны: более 150 Героев Советского Союза, многие десятки тысяч награжденных орденами и медалями, а относительные потери сопоставимы с общероссийскими, в особенности – в Дагестане и Северной Осетии.

Всем известны имена советских генералов, писателей и артистов с Северного

Кавказа. Но мало кто знает тысячи имен талантливых инженеров-конструкторов и изобретателей, известных профессоров и руководителей производств, врачей и прочих выходцев из республик Северного Кавказа, честно работавших и продолжающих работать.

Советский опыт интеграции был хорош тем, что информационно-культурная сфера проявляла предельную корректность в вопросах межэтнических отношений: у выходца с Кавказа не спрашивали “национальность” и религию, а спрашивали за дело и отношение к нему.

Разумеется, на Северном Кавказе накапливались и проблемы. Одной из наиболее острых уже к середине 80-х годов стала скрытая безработица, о которой официальная статистика умалчивала.

Она была наиболее высокой в Чечено-Ингушетии (около 15–20%) и Дагестане (12–15%).

В остальных республиках региона этот же показатель составлял менее 10%. Но проблема решалась в немалой мере за счет широкого распространения так называемого “шабашничества” или “артельного строительства”, когда тысячи бригад из местного населения от весны и до осени выезжали на строительные работы в Сибирь и в центральные области РФ.

Тысячи выходцев из региона работали на общесоюзных стройках типа БАМ, на Крайнем Севере и Дальнем Востоке. Это позволяло демпфировать социальное напряжение в регионе.

Последствия реформ 90-х годов

Как показывает негативный опыт трансформаций 90-х годов, в регионе стал четко проявляться кумулятивный эффект от наложения множества негативных трендов. Это отбросило республики региона в самый конец списка “отсталых” и нестабильных субъектов Федерации. 15 лет “реформ” и потрясе-

ний обернулись деиндустриализацией и, в какой то степени, архаизацией социальной структуры.

Чтобы ответить на вопрос: Почему это стало возможным? Что делать с хронической нестабильностью и свертотационностью? – необходимо отметить несколько важных закономерностей

стей и негативных тенденций в регионе. Их взаимное наложение обеспечило суммарный отрицательный эффект, который в сложившихся условиях (начала-середины 90-х годов), вряд ли можно было нейтрализовать.

Спад экономики. Падение промышленного производства в регионе за период 1990–1999 гг. было более глубоким, чем в стране в целом: в 4–5 раз, по сравнению с двукратным понижением в стране. Бурный рост в начале 2000-х, как следствие дефолта и девальвации рубля, уже почти сошел на “нет” и вновь стали очевидны признаки стагнации в региональном экономическом развитии.

Одной из объективных причин этого явился периферийный характер большинства машиностроительного и приборостроительного производства.

Падение сельскохозяйственного производства не было столь глубоким; негативные тенденции нейтрализовывались развитием фермерства, подсобных хозяйств и частного предпринимательства.

Помимо объективных причин для столь глубокого падения производства, существовала и субъективная причина, связанная с коррупционным беспределом и меркантилизацией системы власти в регионе.

Кумулятивный эффект негативных тенденций. С таким глубоким спадом были связаны:

- процесс ускоренного оттока населения в основном русскоязычного;
- стремительная теневизация экономики и резкое снижение налоговых поступлений в бюджеты всех уровней;
- резкая социальная поляризация;
- повышение уровня безработицы в разы.

На вышеперечисленные негативные тренды накладывался своеобразный

демографический бум, когда ежегодно во взрослую жизнь без всяких перспектив вступали более 60,0 тыс. молодых людей.

Дагестан и Чечня в этом демографическом приросте составляют около 70%.

Меркантилизм политической системы и коррупция. Все эти негативные тенденции можно было бы отчасти нейтрализовать, если бы 90-е годы не развратили местные власти в ряде республик, и они чувствовали бы острую потребность, социальную и политическую ответственность. За 90-годы правовой нигилизм стал нормой жизни в высших коридорах федеральной власти и эта практика, в той или иной мере, транслировалась в регионы.

Республики Северного Кавказа по данному критерию вышли в число “передовиков”.

Об этом свидетельствуют факты, отраженные в докладах проверок исполнения бюджетов Счетной палатой РФ в Дагестане (1994–1998 гг., 2000–2001 гг.), в других материалах, в том числе и по последней проверке Комиссией ЮФО.

В массовом сознании, в среде малого и среднего бизнеса доминирующими являются настроения недоверия и крайнего отчуждения от власти.

Экспертные опросы показывают, что налоги не платят, прежде всего, самые доходные предприятия, патронированные (или принадлежащие) правящим группам и олигархам.

Вот почему самая низкая цифра сбора налогов и неналоговых сборов по стране именно в Дагестане, Ингушетии и Чечне, (около 8–9% валового регионального продукта).

Новые главы республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии за короткий период (2006 г.) сумели заметно, на десятки процентов, повысить налоговые и прочие сборы. Но они полагают, что это только начало и что, в принципиальном плане, можно

резко уменьшить дотационную зависимость республик, как минимум, на 15–20%, что невозможно без увеличения налоговых сборов в разы.

Такой “резкий” политэкономический разворот может стать хорошим примером (или укором) для соседних республик.

Вместе с тем, на системный характер коррупции в правоохранительных и силовых структурах в регионе, управляемых из ФЦ, обращал внимание новый президент Дагестана М.Г.Алиев на совещании в ЮФО (август 2006 г.).

Позитивная роль местного социокультурного фактора. Вышеперечисленный негатив сглаживается в реальной жизни в немалой степени социокультурными факторами и особенностями социальной структуры местных народов. Культура “малых групп” в городах и сельских общинах гражданского типа в существенной мере нейтрализует общее социальное напряжение и напрямую влияет на уровень социального здоровья и качество населения в широком смысле слова.

Как показывают статданные, в республиках Северного Кавказа в значительно меньшей степени совершается убийств и самоубийств, разбоев и грабежей, других преступлений.

Средняя продолжительность жизни выше на 4–6 лет, институт семьи значительно более крепок, а число разводов в 2–3 раза ниже, чем по стране в целом.

Все эти индикаторы были сведены в интегральные показатели “качество населения” и “качество социальной сферы” учеными ЦЭМИ РАН. По этим двум показателям, северо-кавказские республики (РД, ЧР, РИ, КБР и в меньшей степени СОР, КЧР и РА), как правило, входят в первые 10–15 лучших регионов РФ³.

Проблема мигрантов, вынужденных переселенцев. В основном эта

проблема касается жителей Чечни, граждан РФ чеченской национальности. Кроме того, достаточно большую долю среди мигрантов из Закавказья и вынужденных переселенцев из республик Дагестана, Чечни и Ингушетии составляют: представители казачества и русскоязычная группа, этнические дагестанцы и армяне (из Азербайджана), осетины из Южно-Осетинской Республики, ингуши из Республики Северная Осетия-Алания и т.д.

Все это создает определенное этносоциальное напряжение между разными сегментами общества в республиках региона, в Ростовской области, в Ставропольском и Краснодарском краях. Очевидны все признаки демографического “насыщения” в регионе, где на площади составляющей чуть более 2,0% территории страны, проживают свыше 12% её населения.

Национальное равноправие и кадровая политика. Проблемы в таком контексте связаны с практикой этнической дискриминации и произволом правоохранительных, а нередко, и других государственных структур, с которыми сталкиваются выходцы с Северного Кавказа в регионах страны. Прошли уже давно те времена, когда выходцы из региона – врачи и инженеры, юристы и служащие, прорабы и рабочие-строители – спокойно могли приехать и обустроиться в любой области России. Все это умножает отчуждение и актуализирует проблему соблюдения прав гражданина и этнических меньшинств.

Еще один скрытый узел напряжения связан с представительством разных народов-этносов (и этнических групп) во властных структурах республик региона и, в определенной степени, с представительством в федеральных органах исполнительной власти.

Проблема национального равноправия в советский период решалась на основе политического обычая пропорционального представительства разных народов-этносов во властных структурах исполнительной и законодательной, судебной и правоохранительной. До сих пор эта практика по формальным признакам сохраняется в Дагестане, отчасти в КБР и в меньшей степени КЧР.

Внеэкономические меры. Надежда на Федеральный центр

Данный проект, в случае его реализации, позволит добиться заметного социально-политического и экономического эффекта в регионе.

Антикоррупционные меры, сокращение теневой экономики. Поставленная в таком ракурсе задача предполагает ряд взаимосвязанных шагов со стороны Москвы и ЮФО, в частности кадровую политику, а именно: поддержка новых глав республик в Дагестане и Кабардино-Балкарии, встречающих огромное сопротивление “старой гвардии”. Новые лидеры этих республик сталкиваются с системным характером коррупции, с уводом в тень самых доходных сфер экономики местной “знатью”.

Главы республик открыто заявляют о громадных налоговых резервах и способности существенно снизить дотационную зависимость от ФЦ.

Как правило, серьезную помеху для решения этой задачи представляют: коррупция в правоохранительных и фискальных органах, патронаж со стороны отдельных федеральных ведомств “своих” кадров на местах и др. Поэтому, ротация кадров на ключевых постах в системе правоохранения и фискальных органах и надзор за закон-

Опросы социологов ИСПИ РАН и экспертов (2004–2005 гг.) показали определенный рост межнационального напряжения, прежде всего, в Дагестане и Карачаево-Черкесии. При том, что по формальным признакам с национальным равноправием в этих республиках нет особых проблем.

Требует своего решения и вопрос о достойном (по возможности, пропорциональном) представительстве русскоязычного населения в структурах власти республик региона.

ностью остается одной из ключевых задач.

Поощрение переселения и нейтрализация безработицы. В четырех республиках Северного Кавказа (в Дагестане, Чечне, Ингушетии и Карачаево-Черкесии) стабильно наблюдается самый высокий прирост населения.

Плотность населения в равнинной и предгорной частях этих республик колеблется в пределах 300–350 чел. на кв. км. и является самой высокой в стране. От 35 до 60 % трудоспособного населения безуспешно пытается обустроить как-то свою жизнь.

С учетом объективно складывающейся отрицательной (в том числе, и демографической) динамики в большинстве регионов Федерации, с падением уровня миграции русскоязычного населения из ближнего зарубежья, ухудшением качественных показателей российского народонаселения представляется актуальным реализовать программу “Выправление демографического дисбаланса” при согласии соответствующих региональных властей за счет внутрисредств российских ресурсов в данном случае трудоизбыточных республик Северного Кавказа. Переселенческий потенциал, по предваритель-

ным прогнозам, составляет на сегодняшний день около 1,0 млн. чел. Наиболее предпочтительными для реализации проекта переселения (на добровольной основе) представляются “оголенные” в демографическом и геополитическом плане регионы (Нечерноземье, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток). Разумеется, нужны соответствующие федеральные комплексные программы инвестиционного и адаптационного характера.

В случае принципиального согласия с проектом можно предложить следующее:

1. Тщательная проработка вопроса с Федеральной миграционной службой. Необходимо соблюсти некоторые общие условия, касающиеся компактного расселения мигрантов по национальным и “общинным” признакам без оказания давления на хозяйственно-экономические интересы и

национально-культурные традиции существующих населенных пунктов.

2. Разработка предварительного проекта “Поощрения переселения” и выявление позиции региональных властей. Решаемая задача: определение потребности в сельскохозяйственной рабочей силе и фермерах; определение потребности в рабочей силе и специалистах для народного хозяйства, в частности для сельскохозяйственного производства. Проект должен включать в себя меры экономической поддержки переселенцев.

3. Проведение в рамках миграционных служб республик Северного Кавказа разъяснительной работы среди населения.

4. Скооперировать и координировать работу соответствующих структур (МВД, Минсельхоз, Минобразования и пр.) на уровне регионов с тем, чтобы реализовать проект переселения, снять возможные проблемы этноконфликтного характера и пр.

Этнополитический ракурс и кадровая политика в регионе

1. Проблема возвращения русскоязычного населения и его представительств в структурах власти республик региона.

Не секрет, что наряду с объективными причинами отъезда русскоязычного населения из северокавказских республик существовали и субъективные причины, которые были связаны с вытеснением представителей русскоязычного населения из сферы управления, правоохранительных органов и т.п. Представляется важным обеспечить относительно пропорциональное представительство русского населения в исполнительной власти Чечни, Ингушетии, Адыгеи. Широкое представительство во власти имеют русскоязычные граждане в КЧР.

2. Принцип пропорционального представительства основных этногрупп во властных структурах республик, который (с известными оговорка-

ми и недостатками) реализован “де-факто” в целом соответствует сложившемуся на протяжении многих десятилетий политическому обычаю и отвечает чаяниям многонационального населения в регионе.

На Северном Кавказе проблема заключается в том, чтобы сложившийся межнациональный баланс представительства в коридорах власти не нарушался в пользу той или иной группы. Здесь важна разработка такого регионального законодательства, которая, не противореча Конституции РФ, замыкала бы на себя множество конфликтных узлов этнополитической природы.

3. Меры по обеспечению межнационального согласия и стабильности в российском обществе и на федеральном уровне.

Практика дифференцированного подхода по этническому признаку в самых разных жизненных ситуациях широко

распространена в отношении выходцев с Северного Кавказа, (в основном, чеченцев), что не способствует их полноценной интеграции и гражданской лояльности.

Для нейтрализации этой практики предпринимался ряд мер на высшем уровне еще в 1997 г. (Поручение Президента РФ правительству и другим госорганам РФ от 06.10.1997 г. №Пр.-1636, соответствующее распоряжение Правительства РФ).

В данном случае мы сознательно абстрагируемся от субъективных факторов интеграции, связанных с конфликтным типом поведения самих мигрантов. Российская гражданская идентификация, оставаясь формальным признаком лояльности и законопослушания мигранта, не отражается в поведенческом коде и в социальных установках.

Между тем, мировой опыт решения национальных (и конфессиональных) проблем показывает, что если та или иная этноконфессиональная группа достигает около 5–7% населения страны, то дискриминация по соответствующему признаку становится одним из значимых факторов этнополитического напряжения и нестабильности в обществе.

С учетом татарского, башкирского и другого, “мусульманского” по происхождению этнического элемента доля “мусульманского” населения в стране составляет уже около 13–15%.

Однако эта часть населения страны, в особенности народы Северного Кавказа, практически не представлены на федеральном уровне. Игнорируется, таким образом, и свой советский опыт интеграции, и опыт стран Запада и Востока (Канады, Бельгии, Индии, Швейцарии, США и т.д.) из практик многокомпонентной демократии и пропорционального представительства этнических сообществ во власти.

Предложения. Изложенные меры основаны на анализе реально сложившейся в России ситуации с этнонациональным представительством в коридорах власти, изучении опыта СССР, стран Запада и Востока.

В таких странах, как Канада и Бельгия, к примеру, законодательно гарантируется пропорциональное представительство этнолингвистических групп в исполнительной власти Федерации.

Итак:

– Задается определенный “коридор” изменений представительства этногруппы в структуре власти.

В пределах этого “коридора” может меняться доля данной группы. Разумеется, критерий “профессионализма и опыта работы” также должен учитываться.

В РФ проживает около 4–5% представителей народов Северного Кавказа. Соответственно, для данной группы можно было бы предложить законодательное закрепление квотного представительства в федеральных исполнительных органах власти в пределах 3–5%. Отклонение от данной нормы – это своеобразный сигнал о неблагоприятности в национальной политике страны.

– Специальный орган в правительстве и аппарате Президента РФ осуществляет мониторинг ситуации с кадровой политикой с учетом критерия обобщенного (по республикам) этнического представительства в федеральных органах власти, а также в органах власти республик русскоязычного населения; сбор данных по кандидатам на должности и составление “банка данных” по национальным кадрам; выдвижение национальных кадров на те или иные должности в ФЦ и в субъектах Федерации.

– Создание Комиссии по национальным кадрам и “квотам” при Федеральном Собрании РФ для оперативного решения нештатных ситуаций по

национальным кадрам; разрешения конфликтных ситуаций, когда, к примеру, вопрос касается представительства той или иной национальной группы (в том числе, и русскоязычного населения в республиках РФ) в органах власти на федеральном уровне и территории проживания.

– Должностная иерархия и принцип пропорционального представительства.

Вся номенклатура должностей исполнительной власти на федеральном и региональном уровнях условно разбивается на три группы:

– уровень руководителей наивысшей категории – вице-премьеры, министры и их замы, руководители госкомитетов и госкомпаний и пр.;

– уровень высшей категории – руководители управлений и департаментов в правительстве, их заместители и т.п.;

– уровень средней категории – руководители секторов, отделов, их заместители, высокооплачиваемые “спецы”; руководители структурных подразделений госинституты и монополий, ведомств.

При этом правило пропорциональных квот не распространяется на этнические диаспоры из стран СНГ и дальнего зарубежья, вне зависимости от их гражданства.

Северокавказский фактор и межэтнические проблемы в России

В последние годы все большую актуальность приобретают вопросы межнациональных отношений в российском обществе, связанные, чаще всего, с выходцами с Кавказа, включая и Закавказье. Необходимо уточнить, какой вклад в эту проблематику вносят исключительно выходцы с Северного Кавказа; а внутри этого сообщества – уроженцы тех или иных республик. По критерию ключевого основания этноконфликта, можно выделить три типа проблем:

Первый связан с культурным конфликтом с выраженным противопоставлением своих “хороших” норм и стереотипов “плохим” чужим.

Если, к примеру, за 300–500 столетий народы тюркской и финно-угорской группы языков “притерлись” к русской культуре и образу жизни, то закавказские и, в меньшей степени, северокавказские уроженцы стремятся сохранять свою идентичность.

Такое поведение в русской среде воспринимается как вызов, а то и бескультурье. Это восприятие тем более оправдано, что значительная часть “предпримчивой”

кавказской молодежи не прошло школу подлинно интегрирующей (как в СССР) и социализирующей культуры и просвещения. В той же Чечне выросло поколение 90-х хорошо “знакомых” лишь с военным делом и признающих чаще лишь язык силы. И феномен Кондопогской трагедии, равно как сентябрьские межэтнические эксцессы в Москве и в Саратове можно объяснить также этим обстоятельством.

С другой стороны, представляется, что не будь либерального “лихолетья” 90-х годов и войны в Чечне “градус” ненависти не зашкаливал бы и возможно удалось бы предотвратить непоправимое.

Второй тип проблем связан преимущественно с конфликтом бизнес-интересов этнокриминальных сообществ и с особенностями этнического разделения труда в России.

Несмотря на пропагандистский шум о “равноудаленности” от власти класса олигархов, бизнес последних был бы невозможен без “ручных” правительства и Госдумы, через которые проталкиваются нужные им законы (или “дырки” в законах) и постановления. А дело довершает уже расстанов-

ка “правильных” кадров в силовые и правоохранительные структуры для минимизации рисков.

На нижних звеньях управления и на уровне местного самоуправления такая практика получает дальнейшее “развитие” в той мере, в какой местная власть в ментальном и политкультурном отношении склонна к коррупции и nepотизму.

В таких условиях предприимчивые “нацмены” с Кавказа и китайцы стараются “купить” уже местных чиновников и правоохранителей, создавая себе режим преференций, вытесняя тем самым конкурентов в лице русского бизнеса. Последний, как правило, или уже поглощен более крупными “акулами” бизнеса с офисами в Москве, или едва выживает в более интеллектуально насыщенных сферах (научно-технологически продвинутых). А может и “сбежал” за рубеж подальше от чиновничьего рэкета и рейдерского беспредела олигархата.

А коммерция и услуги (рестораны и бары и т.п.) не были сильной стороной русского бизнеса, разве что в дореволюционной России. Эту нишу в глубинке России преимущественно заняла закавказская диаспора (преимущественно азербайджанская, в меньшей степени – армянская и грузинская).

А что касается чеченского бизнеса, то он после относительного успеха в начале 90-х годов (что было связано с локальными победами с разными конкурентами в бандитских разборках), был сильно потрепан милицией в период второй кампании в Чечне.

Но сейчас с учетом “теплых” отношений Москвы и Грозного чеченский средний бизнес (в банковской, гостиничной сфере, в коммерции и услугах) нередко криминальный, опять пытается занять свою нишу.

Здесь особенности этнического разделения труда проявляют себя четко. Трудно представить чеченца в научно-производственном объединении. Ибо это требует дисциплины ума и организованности, подвижничества, преданности своей профессии и ответственности; наконец, нужна особая

традиция и преемственность. России потребовалось более ста лет для формирования такой (индустриальной) культуры труда и профессиональной этики. Это – русская доля, и никуда от этого не уйдешь.

В какой-то мере сказанное относится и к другим этнообщинам с Северного Кавказа и их бизнесу в “русских” субъектах Федерации. Но они в заметно меньшей степени играют роль провоцирующего фактора в межэтнических отношениях.

Одним из первых феноменов этнического разделения труда исследовал Кудьякин Е.О., который обратил внимание на значительную корреляцию между этнопризнаком, с одной стороны, и сферой деятельности и бизнеса, с другой, в Башкирии в трех крупных “общинах” (русские, башкиры и татары)⁴. Аналогичное сравнение было произведено и между экономически активной частью русской “общины” и прибалтийских народов, между выходцами из Грузии, проживающими в России, и местным бизнесом.

Такая закономерность проявляется и в мире в целом, где в рамках одного многонационального государства и общества четко проявляет себя этническое разделение труда⁵.

Неявное этническое разделение труда (в социологическом смысле) – это и отражение особенностей социальной структуры (к примеру, более высокая доля представительства русских в промышленности, в ВПК и в обороне страны) и различий в ценностных установках, экономическом поведении тех или иных этногрупп.

Но проблема появляется тогда, когда такой этнический бизнес вступает в сговор с местной властью и милицией. Укрепив свое экономическое положение, часть этой когорты людей начинает думать, что они хозяева жизни в этом городке.

Таким образом, культурный конфликт, подкрепленный элементарным бескультурьем и невежеством, накладывается уже на социальный конфликт,

превращая в итоге таких “успешных” бизнесменов с Кавказа в объект ненависти местных жителей. Это обоснованное и справедливое негодование, которое и выплеснулось в Кондопоге. Но при этом выходцы с Северного Кавказа, проживающие в регионах страны все чаще сталкиваются с дискриминацией по этноконфессиональному признаку и милицейским произволом, что, разумеется, провоцирует нелояльность и отчуждение от власти.

Всё еще в силе подведомственная инструкция МВД РФ, согласно которой граждане России – выходцы с Северного Кавказа обязаны пройти дактилоскопическую процедуру (?!). Чтобы зарегистрироваться даже временно в Москве и в других городах страны действует все еще эта порочная и внеправовая процедура. Прямое нарушение Конституции РФ.

Третий тип проблем в межэтнических отношениях связан со значительным “вкладом” преимущественно либеральных масс-медиа в провоцирование кавказофобии в общественном мнении.

Отечественная медиакратия, начиная с 90-х годов, преуспела в создании устойчивого негативного стереотипа о пресловутых “лицах кавказской национальности” и этнических (преимущественно, кавказских) криминальных сообществ. Термин, кстати, был пущен в оборот с легкой руки МК. Подхватили его и другие “демократические” издания и ТВ⁶.

В итоге, в общественном мнении россиян в “передовики по неприязни” вышли азербайджанцы (около 50–60% опрошенных). Следом за ними – чеченцы (около 40%), затем – армяне (20–25%) и, наконец, обобщенные кавказцы и(или) дагестанцы (15% опрошенных)*.

Итак, российское ТВ и либеральная пресса концептуально четко выстроила

систему знаков и ассоциаций, смыслов и названий. Причем, в определенных условиях эта система принятых обозначений облагораживает облик одних народов или стран (как правило, это Израиль и Америка и шире, Запад в целом), а в отношении других объектов, прежде всего Закавказья и Северного Кавказа, арабов и мусульман⁷, и, наконец, самого русского и в целом православных народов – в той или иной мере используется набор знаков и “сигналов” с вполне определенными негативными коннотациями. “Русский фашизм”, “исламский терроризм”, “кавказский бандитизм” и т.п. – из этого набора информационного оружия, используемого отечественной медиократией при попустительстве властей.

В результате такой информ-политики государственные мужи сами стали “пленниками” старательно внедряемых мифов и стереотипов о северокавказцах, в частности.

Анализ реального положения с преступностью, к примеру, на российском Кавказе, в том числе и в контексте проблемы социализации, выявил явные нестыковки с ТВ-“картинкой” и расхожими стереотипами массового сознания, с одной стороны, и реальной статистикой, с другой.

Примеры из статистики.

По уровню преступности в РФ, к примеру Дагестан и Ингушетия занимают соответственно 78 и 79 позиции среди всех субъектов Федерации⁸.

Если в стране в целом совершается около 1800 преступлений на 100 тыс. чел., то в Ингушетии в 5,5, а в Дагестане почти в 3,0 раза меньше, (соответственно, около 340 и 660 преступлений).

Чуть хуже показатели по другим республикам региона, но, тем не менее, и они в криминальной “иерархии” страны занимают строчки от 65-й позиции и ниже.

* Данные из соцопросов Центра Левады.

Даже по удельному весу убийств, разбоев и грабежей эти республики заметно отличаются от других субъектов Федерации.

За период 2000-2001 гг., в Ингушетии было зафиксировано (на 100 тыс. населения/за год) всего около 15 грабежей и разбоев, в Дагестане – около 25, в целом по стране около 43, то есть в 2–3 раза больше.

Аналогичная картина по убийствам. На 100 тыс. чел по России – около 22 убийств, в Ингушетии – 15, Дагестане – 13, Адыгее – 16, Карачаево-Черкесия – 17, Кабардино-Балкария – 12. И лишь в Северной Осетии эта цифра (около 22) близка к средней по России.

Подобная ситуация и по другим видам преступлений: изнасилований, кражам, наркотикам.

Сопоставимы, со средними по России лишь данные по экономическим преступлениям.

В том, что либеральные информгуру, как правило, рассматривают выходцев с Закавказья и представителей Северного Кавказа в одной обойме, не дифференцируя их, видится сознательный умысел. Здесь задача вполне конкретная: подготовить русское общественное мнение к уходу России с Северного Кавказа и, очевидно, сдаче региона Америке; углубить (спровоци-

ровать) еще в большей степени ту незримую стену межэтнического отчуждения, которую они успешно выстраивают на протяжении 15 лет.

И такая практика еще более усугубляет состояние межэтнических отношений в российском обществе. Нередки ситуации, когда наложение этих трех типов конфликтов (этнокультурное, ценностное и поведенческое) может наблюдаться в одном городе или сообществе людей, сообщая межэтническим отношениям высокий “градус” напряжения. Тут одними общими разговорами про “воспитание толерантности” и т.п. никак не обойтись, ибо ситуации конфликта всегда конкретны и требуют оперативного вмешательства. При отсутствии профилактической системы мер, наличии развитой практики провоцирования ксенофобий и симбиозе коррумпированных властей с криминальным бизнесом (из кавказского региона) в “русских” субъектах РФ продвигается по настоящему “гремучая смесь” из взаимных претензий, разрывающая общественную ткань российского общества. И, к сожалению, свою весомую лепту здесь внесли и продолжают вносить неолиберальная власть и масс-медиа.

Некоторые внеэкономические меры

1. На федеральном уровне необходимо кардинально изменить подходы в информационной политике. В Министерстве печати и средств массовой коммуникации необходим качественно новый подход, предполагающий постоянный мониторинг и научный анализ материалов масс-медиа, а также профилактику провокационного, разрушительного “пиара”, в особенности, на ТВ.

Такая профилактика должна быть организована в тесном сотрудничестве

с федеральной правоохранительной системой.

2. Необходимо вновь вернуться к вопросу о восстановлении Министерства по делам национальностей и межнациональным отношениям РФ. Его функции не могут быть воспроизведены на достаточно квалифицированном уровне в других ведомствах.

3. Последние кадровые назначения Президента РФ в республиках Дагестан и Кабардино-Балкарии и избрание местными парламентами главами рес-

публик фигур, с которыми связывают надежды на улучшение широкие слои местного населения, вселяет оптимизм. Избрание главами республик новых фигур – это знаковые события и сигнал к наступлению на “горящие” проблемы в регионе. “Старая”, меркантилистская система в республиках региона все еще сильна и без боя не сдаст свои позиции. Поэтому можно прогнозировать попытки дискредитации новой власти и провоцирования целого ряда серьезных конфликтов, наподобие кровавой террористической вылазки боевиков в Нальчике (осенью 2005 г.).

4. Серьезным и не достаточно оцененным фактором укрепления позиций России в регионе являются структуры гражданского общества, которые показали себя с наилучшей стороны именно в момент угрозы стране в августе 1999 г. Поэтому Федеральному центру и республиканским властям самое серьезное внимание необходимо обращать на инициативы, выдвигаемые этими структурами.

Только на этих путях и в процессе непрекращающегося диалога и сотрудничества могут местные власти и народы решить свои наболевшие проблемы.

Примечания

¹ www.kavkaz.memo.ru

² Регионы России. Статистический сборник. М., 2004.

³ www.CEMI.RSSI.RU.

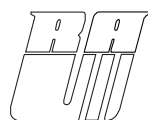
⁴ *Кубякин Е.О.* Специфика правового регулирования экономической деятельности в полиэтнической среде // Силовые структуры и этнополитические процессы на Юге России. Сб. статей, Южно-Русское обозрение. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002. (<http://kavkazonline.ru>)

⁵ *Горовец Д.* Теория межэтнического конфликта // Этнос и политика. Сборник статей. М.: УРАО. 2000.

⁶ *Мельков Л.А.* О роли СМИ в разжигании ксенофобий // Силовые структуры в этнополитических процессах на Юге России. Сб. статей. Ростов-на-Дону. 2002. № 12.

⁷ *Эткин М.* Ваххабизм и фундаментализм: термины – “страшилки” (лексикологические изыски противников ислама) // Центральная Азия и Кавказ. Стокгольм. 1999. № 10.

⁸ Регионы России. М., Госкомстат России. Т. 2. 2000.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru